Исчез властитель осужденный,
Могучий баловень побед,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.

Такова начальная строфа. Два первых стиха как бы подчеркивают масштабность случившегося и предопределяют своеобразную торжественность стиля всей строфы. Но о наличии воздействия традиций торжественной оды XVIII в. в первой строфе говорить еще нельзя. Мы видим в стихах Пушкина отчетливое влияние Байрона с грандиозностью его поэтических образов, с его гиперболизацией духа отторгнутой миром личности. «Изгнанник вселенной», «могучий баловень побед» — вот формулы, долженствующие воссоздать облик Наполеона. Космизм мировосприятия, насыщенный элементами пессимизма, фаталистической веры в предначертанность мировых судеб («Чудесный жребий совершился...»), — все это в приведенной строфе принадлежит объективно к романтическому методу английского поэта. И в этом стилистическом ключе выдержаны первые строфы, посвященные непосредственно личности Наполеона.

Двойственность поэтического строя стихотворения начинает ощущаться со второй строфы:

О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет полн,
Приосенен твоею славой,
Почий среди пустынных волн!

Пушкин здесь по существу довольно точно воспроизводит интонационно-синтаксическую схему традиционной для панегирической поэзии XVIII в. усложненной фигуры риторического призыва — восклицания, когда предикативный член, будучи отнесен на самый конец фразы, отделен от субъекта, предваряясь целой цепью придаточных определительных и дополнительных предложений, причастных и деепричастных оборотов и других распространений.[7]

Своеобразие приведенных пушкинских стихов состоит в том, что традиционная для оды синтаксическая фигура оказывается

---

[7] Достаточно вспомнить широко известное место из оды Ломоносова «На восшествие на престол Елисаветы Петровны...» (1747) — «О вы, которых ожидает Отечество из недр своих...» или аналогичный ход из оды В. Петрова «На сочинение нового уложения» (1765):

О ты, который земнородных
Щасливо общество нарек,
Где царь исполнен превосходных
Даров, ведет свой мудро век,
. . . . . .
Возстань, Платон, и посмотри, —

Соч. В. Петрова, ч. I. СПб., 1811, с. 26.